

ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

А. А. БРАГИНА

Москва

ОТ «ГОЛУБОГО НЕБА» ДО «ГОЛУБОГО ЭКРАНА»

(О возникновении новых словосочетаний)

Известно, что прилагательные, обозначающие цвет, могут передавать и нецветовые значения.

Прилагательное *голубой* обозначает прежде всего цвет. Это цвет неба (чистого, светло-синего, лазурного). Так, у В. Солоухина читаем:

В четвертый раз я приехал в эту большую абхазскую деревню... Мне понравилось бывать здесь в конце сентября, когда там, у нас в Москве, в подмосковных полях и лесах, становится сыро и мглисто... когда так намотришься серого неба... так захочется после серого и черного увидеть голубое с золотым (В. Солоухин, Наша дама).

Но в определенных словосочетаниях *голубой* может иметь значение «серый»: *голубая лошадь*, *голубой песец*, *голубая белка*. Как же могло возникнуть такое значение? Ведь в только что приведенном примере *голубое* противопоставлено *серому*.

Как сообщают словари, слово *голубой* связано с *голубиный* и когда-то означало и «сизый, серый», т. е. цвет голубя¹. Эту этимологи-

ческую связь *голубой* сохраняет в немногих, ставших почти терминологическими сочетаниях. В наиболее употребительных сочетаниях, например *голубой песец*, прилагательное *голубой* воспринимается не как определитель особого цвета, а как определитель особого оттенка цвета — серый, дымчатый с *голубым* оттенком².

Само же слово *голубой*, как обозначающее цвет, приобретает значение «ясный, безоблачный, нежный, безобидный» и т. п. Например, *голубой день*, *голубое утро* — светлые, ясные, безоблачные³.

А. Н. Веселовский, прослеживая историю эпитетов *зеленый* (*зеленая лошадь*), *белый* (*белое дитя*, *белая*

См. также статью Н. Ф. Пелевиной, О соотношении языка и действительности (обозначение красного и синего цветов), «Филологические науки», 1962, № 2, стр. 150. О семантике слова *голубой* в русских диалектах см.: «Толковый словарь живого великорусского языка», т. I, М., 1903, стр. 914.

¹ См.: «Словарь современного русского литературного языка», т. 3, изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 240. Ср. там же менее распространенное сочетание *голубая лошадь* — лошадь пепельного цвета, сходная с цветом мыши.

² Там же, стр. 240.

¹ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1964, стр. 432.

моя соседка), замечает, что физическое восприятие цвета зрением своеобразно взаимодействует с психическими ощущениями: *зеленый* — свежий, молодой; *белый* — ясный, светлый, радостный⁴. Это суждение справедливо и по отношению к переносным значениям слова *голубой*.

Прилагательное *голубой* в ряду определений к тому или иному предмету часто оказывается более сильным, образным. В этих случаях *голубой*, сохраняя оттенки цветового характера, как бы впитывает значение вытесненного определения. Так возникает целая группа экспрессивных сочетаний: *голубой огонь* — *голубое топливо* — *люди голубого огня* — *хозяева голубого огня*.

Цвет газового пламени подсказал образное определение газовому огню. Голубой огонь газа передал определение всему виду этого топлива:

Нелегко было найти «кладовые голубого топлива...» («Правда» от 5 мая 1965 г.).

Голубой огонь определил и образное название профессии газопроводчиков (*люди голубого огня, хозяева голубого огня*).

Голубой экспресс — так образно называют поезда метро по их постоянной голубой окраске:

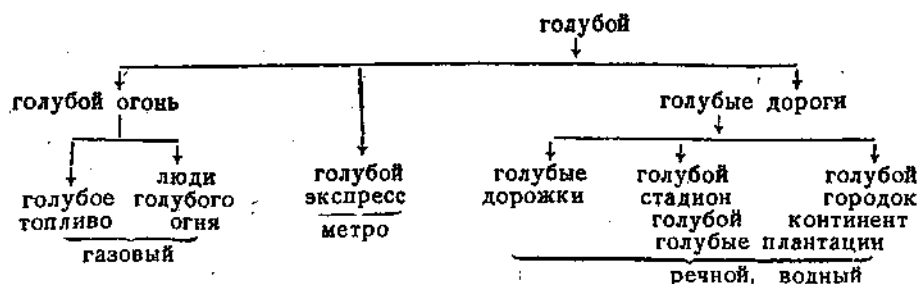
Голубые экспрессы на «Молодежной»... К станции из депо подошел *голубой экспресс*... («Вечерняя Москва» от 1 июля 1965 г.).

Голубые дороги — *голубые дорожки* — *голубой стадион* — *голубой городок* — *голубой континент* — *голубые плантации* — все сочетания связаны с представлением о голубизне воды. *Голубые дороги* — реч-

ные, водные дороги и пути («Зовут голубые дороги» — «Московская правда» от 4 апреля 1965 г.). *Голубые дорожки* — плавательные дорожки («На голубых дорожках» — «Вечерняя Москва» от 14 мая 1965 г.). *Голубой стадион* — плавательный бассейн («Вот уже много лет Москва-река является голубым стадионом столицы...» — «Вечерняя Москва» от 24 июля 1965 г.). *Голубой городок* — комплекс спортивных водных сооружений («Голубой городок будет открыт в мае 1966 г.» — Московские телевизионные новости от 15 августа 1965 г.). *Голубой континент* — водное пространство, дно океанов («Голубой континент» — научно-популярный фильм, 1957 г.). *Голубые плантации* — пруды для разведения рыбы («Урожай голубых плантаций... Только с одного пруда Кемеровского рыбопитомника «снято» 16,5 тонны рыбы...» — «Правда» от 14 октября 1965 г.).

В некоторых случаях (*голубой стадион, голубой континент, голубые плантации*) образное сочетание создается заменой обоих членов: и определения, и определяемого. Но замена определяемого (*бассейн — стадион, пространство — континент, пруды — плантации*) возможна именно благодаря ясной синонимической соотнесенности *голубой — водный*.

Отметим, что во всех случаях *голубой* — не просто образное окказиональное употребление, а постоянное определение. Оно как бы заменяет менее яркие, стершиеся, хотя технически и научно точные определения, становится их экспрессивным синонимом:

⁴ См.: А. Н. Веселовский, Из истории эпитета. В его книге «Историческая поэтика», Л., 1940, стр. 83—84.

Одни из сочетаний уходят из языка вместе с исчезновением породивших их явлений, реалий. Так стало историзмом одно из первых постоянных словосочетаний *голубая лента*, эвфемистически обозначавшее орден святого Андрея Первозванного⁵. Но еще живет *голубая кровь*:

Модель — герл *голубой крови*! Почин баронессы подхватили и расширили. Принцессы, маркизы и герцогини перед лицом денежных затруднений срочно переквалифицировались в манекенщицы... («Вечерняя Москва» от 29 октября 1965 г.).

Как свидетельствует А. Н. Веселовский, романтическая поэзия, «с ее предилекцией к голубому», распространила такие сочетания, как *голубые мысли, голубые мечты, голубые души, голубые чудеса, загадки* ... Но все эти сочетания как бы жили в атмосфере голубого цвета, подготовленные *голубым небом, далью, взглядом голубых глаз*⁶. В современном русском языке прилагательное *голубой* в своих переносных значениях выходит из поэтической сферы, становится типичным эпитетом публицистики. И, хотя слово *голубой* во всех своих значениях не теряет цветового оттенка, оно уже не только не требует «голубой» подготовительной атмосферы, но само определяет, дифференцирует образ, как, например, в случае употребления сочетаний *голубой стадион, голубой континент, голубые плантации*.

Возникновение новых сочетаний обуславливается не только «цветовой» (внешней) связью, но и чисто языковыми (внутренними) ассоциациями.

Сравнительно недавно появилось еще одно сочетание с прилагательным *голубой*, получившее широкое распространение.

— Сколько каждый вечер зажигается *голубых экранов*? — так начал очередную передачу «Эстафета новостей» комментатор Юрий Фокин (29 апреля 1965 г.).

Зажигаются, загораются голубые экраны — это образное выражение

пришло на смену «стершемуся» — ставшему «будничным» *включаются телеэкраны* или *телевизионные экраны* (*экраны телевизоров*).

Вначале целая цепочка определений — *серебристый, голубой, маленький* — становится рядом с *телевизионным экраном, телеэкраном, экраном*:

В вечерние часы в тысячах городов и сел, в квартирах зажигаются маленькие экраны. Они несут знания, помогают учиться... («Советская культура» от 23 февраля 1960 г.).

Чаще повторяются слова *серебристый* и *голубой*, но они еще только определяют цвет экрана, только сообщают дополнительный признак и не являются синонимами к слову *телевизионный*.

Но стремление найти экспрессивно окрашенное наименование заставляет сделать выбор из подвижного ряда определений. Слово *экран* в значении «экран телевизора» получает постоянный эпитет *голубой*. Некоторое время он существует как контекстный синоним. Но затем (во время дискуссии 1963 г. об искусстве телевидения, проходившей на страницах московских газет) сочетание *голубой экран* закрепилось в речи:

Надо увидеть *голубой экран* со стороны, а ты привыкла сама смотреть с него на встречу зрителям... («Литературная газета» от 26 сентября 1963 г.).

Сейчас сочетание *голубой экран* уже не требует пояснений или специального контекста. Оно входит в названия газетных сообщений:

«На *голубом экране*» («Правда» от 6 апреля 1965 г.), «Завтрашний день *голубого экрана*» («Московская правда» от 29 апреля 1965 г.), «*Голубой экран* у костра» («Известия» от 5 мая 1965 г.) и т. д.

Почему же язык выбрал слово *голубой*, предпочтя его всем другим определениям?

Обратим внимание на сочетаемость слова *экран* в значении «телеэкран, экран телевизора, телевизионный экран». Обычное *экраны включаются* в разговорной речи заменяется *экраны загораются, зажигаются*. Эти же выражения становятся общим достоянием языка.

⁵ См.: «Словарь языка Пушкина», т. I, М., 1956, стр. 505—506.

⁶ См.: А. Н. Веселовский, цитированная работа, стр. 81, 91.

Экраны зажигаются, загораются аналогичны уже имеющимся в разговорной речи сочетаниям *свет зажигается* (ср.: *зажечь свечу, лампу*), *свет загорается* (ср.: *огонь загорается*). У телевизора собираются, как раньше дружески собирались на огонек (лампы или камин). Выражение *на огонек* оживает и приобретает новый оттенок значения — «приходить на огонек телевизора».

Само слово *огонек* уже несет определенную экспрессию. К тому же у слова *телеэкран* к этому времени наметились более или менее постоянные эпитеты — *серебристый* и *голубой*. Какой же из них будет выбран? Слово *голубой* давно входит в такие сочетания, как *голубое пламя, голубой огонь* (ср.: *голубое топливо*). Следовательно, для *огонька* эпитет *голубой* не был чужим, а был достаточно образным. *Голубой огонек* закрепилось как постоянное словосочетание.

Новое словосочетание установило ассоциативные связи между словами *голубой* и *телевизионный*. Теперь *голубой экран* стало постоянным словосочетанием. Это породило новые синонимические и дифференцирующие возможности у слова *голубой*. *Голубой* синонимично теперь слову *телевизионный*:

Значит, в каждом фильме любой студии следует внимательно отыскивать «жемчужные зерна», присущие исключительно *голубому экрану*... («Советская культура» от 13 июля 1965 г.).

В телепрограммах возникает новое название «Голубой селектор», где слово *голубой* означает «телевизионный».

В противоположность образному *голубой экран* появляется *белый экран*. Например, в сообщении о вьетнамском киноискусстве «Белый экран в джунглях» читаем:

Белый экран появился ныне в самых отдаленных уголках республики. И нередко в глухих джунглях под открытым небом загорается светлое пятно передвижного экрана... («Советская культура» от 29 апреля 1965 г.).

В сочетаниях *голубой экран* и *белый экран* прилагательные разли-

чают *телеэкран* и *киноэкран*, внося определенную образность в обычную дифференциацию этих понятий. И хотя *белый экран* встречается пока окказионально, однако на фоне уже несомненно устойчивого сочетания *голубой экран* оно не требует дополнительного объяснения.

Словосочетание *голубой экран* обусловило дальнейшее движение *голубой* — *телевизионный*:

Голубыми окнами, распахнутыми в мир, смотрят экраны новых телевизоров... («Огонек», 1965, № 25). «Известия» от 24 июля 1965 г. поместили статью «В голубом свете «Орхидей» о Международном телевизионном фестивале: «Каждое утро в течение десяти дней под сводами Вальдштейнского дворца в Праге вспыхивали сорок *голубых экранов*. Это были великолепные чехословацкие телевизоры «Орхидей». «Вечерняя Москва» печатала обзор писем москвичей о субботних телепередачах «Суббота в голубом свете» (1965, 25 сентября). А «Советская культура» сообщила: «Голубое кафе на Шаболовке мыслилось как ежесубботнее место отдыха миллионов семей...» (1965, 27 ноября, стр. 4).

Экспрессивные образы — *голубые окна телевизоров, голубой свет «Орхидей», суббота в голубом свете* — строятся на определении *голубой*, уже закрепленном за телеэкраном.

Слово *голубой*, получая еще одно новое значение «теле-телевизионный», сохраняет свои прежние основные и переносные значения:

С каким удовольствием мы написали бы статью о сатире на телевидении!.. О том, что понятие *голубой экран* — это вовсе не значит «второй» экран, а сатире на *голубом экране* не обязана быть *голубой сатирой* («Советская культура» от 1 апреля 1965 г.).

Ну кто мог подумать, что роль, которая от века считалась бесплотной, «голубой»... вдруг оживет и займет свое место как характер крупный, художественно самостоятельный... Мне удалось как-то посмотреть на *голубом экране* отрывки из «Варваров» с Дорониной... («Советская культура» от 21 октября 1965 г.).

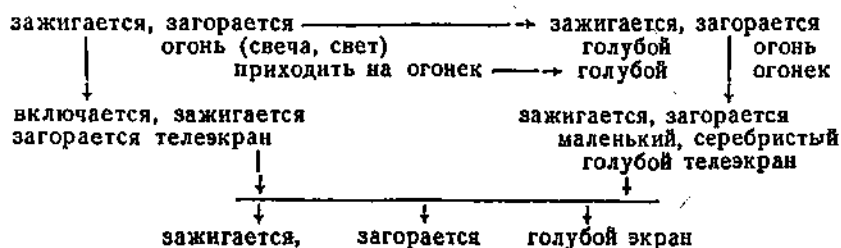
Сочетание *голубой экран* настолько уже закреплено в речи (хотя и не зафиксировано словарями), что никаких затруднений в понимании этой «игры слов» не возникает: *голубой* — «телевизионный» и *голубой* — «безобидный» и т. п. Сравним

также цветовые противопоставления:

Голубые экраны в советском Заполярье светятся ежедневно, несмотря на «черную» пургу... («Советская культура» от 15 июня 1965 г.).

Итак: 1. Сочетание *голубой экран* обусловлено поисками образного наименования. Ср.: *голубой экран* — *голубые окна телевизоров* и т. п.

2. Новые сочетания возникают на базе старых:

3. Вновь возникшее значение вытесняет прежние: наблюдается новое движение слов (*голубой огонек* — *голубой экран* — *голубой селектор* — *голубые окна телевизио-*

ров); устанавливаются новые синонимические связи (*голубой экран* — *телеэкран*), а иногда рождается и игра слов: *голубой экран* — *голубая сатира*.